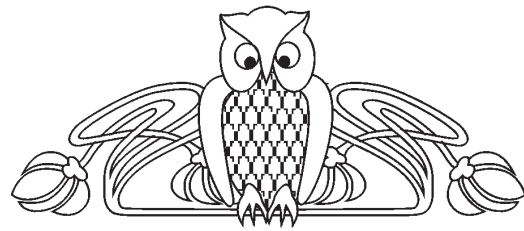

УДК 321.01

КОНСЕРВАТИВНО-ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ МЕСТА ВОЕННОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ПОЛИТИКЕ (на примере взглядов И. Л. Солоневича)

А. В. Пасечник

Саратовский государственный университет
E-mail: pasiechnik.andrei@mail.ru

В статье на примере взглядов И. Л. Солоневича рассмотрен консервативно-традиционалистский подход к анализу специфики становления и развития российской государственности и пониманию особого места и роли военной проблематики и Вооруженных сил в российской истории.

Ключевые слова: консерватизм, российская государственность, народная монархия, Российская армия, войны в истории России, специфика российской государственности.

Conservative and Traditionalistic Approach to Comprehension of the Military Issue's Role in Politics (as exemplified by I. L. Solonevich)

A. V. Pasechnik

As exemplified by I. L. Solonevich, conservative and traditionalistic approach to analysis of specifics of the Russian statehood foundation and development and comprehension of unique place and role of military issue and armed forces within the Russian history is considered in this article.

Key words: conservatism, Russian statehood, people's monarchy, Russian army, wars in the Russian history, specifics of the Russian statehood.

Иван Лукьянович Солоневич является одним из наиболее оригинальных теоретиков самобытного народного монархизма. В ряду его консервативно-традиционалистских идей об особенностях российской государственности важное место занимают рассуждения о важнейшей роли в истории России и российской государственности армии и военного фактора. Несмотря на конкретно-исторические обстоятельства формирования мировоззрения И. Л. Солоневича (1891–1953) и его сложную и противоречивую эмигрантскую биографию, многие его мысли о характере Российской армии, специфике ее формирования и использования представляют интерес и для современной России, которая в течение двух с лишним постсоветских десятилетий пытается реформировать свои Вооруженные силы путем заимствования то одной, то другой концепции. Думается, что размышления великого мыслителя об исторических корнях и факторах неразрывной связи самобытности российской государственности и армии могут при определенной интерпретации и с учетом современных обстоятельств быть полезными для выработки стратегической

концепции преобразования Вооруженных сил России.

Его важнейший труд «Народная монархия»¹ был задуман еще в 1930-е гг. (после побега из СССР из лагеря «Беломорско-Балтийский комбинат») во время эмигрантских скитаний в Финляндии, Болгарии и Германии, но окончательно переработан после Второй мировой войны уже в Южной Америке.

Идеалом общественно-политического устройства России, определяемого ее конкретно-историческим прошлым, по мнению И. Л. Солоневича, является «народная», «соборная монархия», «белая империя», сущность которой состоит в соединении низового самоуправления русского народа и самодержавной власти, основанной на диктатуре «православной совести».

Такая форма государственного устройства, проверенная многовековым опытом российской истории, оценивалась Солоневичем как самая совершенная из всех, какая только была известна человеческой истории. Одним из оснований для таких утверждений мыслителя была военная история России.

Рассматривая события Первой и Второй мировых войн и другие военные и гражданские конфликты первой половины двадцатого столетия, Солоневич отмечает некоторую гипертрофию военной психологии, суть которой заключается в представлении о том, что «война решается оружием, стратегией, гением, доблестью и пр. Все это фактически неверно: войны решаются политикой и только ею одной»². В качестве одного из аргументов автор приводит тот факт, что «совершенно штатские люди Ленин и Троцкий разбили таких совершенно военных людей, как Деникин и Колчак», так как «они с предельной степенью ясности и трезвости учили и свои, и чужие и сильные, и слабые стороны». По определению Солоневича, «хорошая стратегия – это только экономия народных сил. Если этих сил мало – не поможет никакая стратегия. <...> Все удачные и неудачные стороны нашей политики последних двух столетий лежат вне воли, талантов, ошибок или доблести отдельных лиц»³.

Главная проблема, по мнению Солоневича, заключается в том со времени Петровских реформ политическое, социально-экономическое и духовное развитие России было оторвано от своих естественных корней и поставлено на

путь внедрения заимствованной, но чуждой для большинства народа западной модели. «Старая московская, национальная, демократическая Русь, политически стоявшая безмерно выше всех современных ей государств мира, петровскими реформами была разгромлена до конца. Были упразднены и самостоятельность Церкви, и народное представительство, и суд присяжных, и гарантия неприкосновенности личности, и русское искусство, и даже русская техника (до Петра Москва поставляла всей Европе наиболее дорогое оружие). Старомосковское служилое дворянство было превращено в шляхетский крепостнический слой. Все остальные слои нации, игравшие в Москве такую огромную национально-государственную и хозяйственно-культурную роль: духовенство, купечество, крестьянство, мещанство, пролетариат (посад), были насильно отрешены от всякого активного участия во всех видах этого строительства. Потери русской культуры оказались на данный момент безмерно выше, чем ее потери от коммунистической революции»⁴. В результате политическая элита России постаралась «еще дальше изолировать себя от этой почвы и культурой, и языком, и даже одеждой. Лет за полтораста крепостного права старая русская культура была сметена и забыта»⁵.

Такие радикальные негативные оценки Петровских реформ имеют место в научных трудах и публицистике, начиная с дискуссии славянофилов и западников первой половины XIX в.⁶ Категория раскола элиты, обусловившая самобытность российской истории последних столетий, достаточно распространена и среди современных отечественных исследователей⁷. В задачу данной статьи не входит рассмотрение тех аргументов, которые приводят сторонники различных трактовок результатов петровских преобразований, их объективной обусловленности и возможности альтернативных вариантов исторического развития России. Будем исходить из того, что, независимо от характера оценок последствий петровской «европеизации» страны, большинство исследователей сходятся в том, что социальная плата за выбранную модель оказалась слишком высокой, что и привело в конце концов к трем русским революциям, свержению монархии и победе большевиков.

Для Солоневича стремление российских реформаторов, либеральных и левых революционеров ориентироваться на западные модели общественно-политического развития представлялось ошибочным в силу того, что оно приводило к игнорированию конкретно-исторических факторов становления государственности в разных странах (географических, геополитических, климатических и иных обстоятельств). Для России важнейшим из факторов он видит то обстоятельство, что «в последнее столетие существования Московского царства Россия, при среднем населении в 5 миллионов человек,

держала в среднем в мирное время под оружием армию в 200 тысяч бойцов, т. е. около 4 процентов всего населения страны, около 8 процентов всего мужского населения страны и около четверти всего взрослого мужского населения страны»⁸. Экстраполировав эти данные на США (если бы они были «вынуждены содержать шестимиллионную армию все время и пятнадцатимиллионную почти все время»), Солоневич задается вопросом: «Что осталось бы от американских свобод и от американского богатства?».

А Россия вынуждена была на протяжении всей своей истории такую армию «вооружать, одевать и кормить. Для этого нужен аппарат, который реализовал бы воинскую повинность в любом ее варианте и собирал бы налоги – тоже в любом варианте. Для всего этого необходима сильная и централизованная государственная власть. Эта власть еще более необходима для ведения войны вообще, а в войнах не на жизнь, а на смерть – отсутствие этой власти означало бы гибель. Помимо всяких иных соображений (есть и иные соображения) весь ход истории России вел страну к созданию той формы власти, которая на русском языке называется “самодержавием” и для которой адекватного иностранного термина нет»⁹.

Другим аргументом для Солоневича выступает сам характер войн, которые вынуждена была вести Россия и которые он вновь сравнивает с США (как главным образцом демократической модели общественно-политического устройства). Если в ходе становления американской государственности поселенцам пришлось бороться с дикими и разрозненными племенами индейцев, то России «пришлось ломать такие “самые современные” в каждую данную эпоху завоевательные машины, как татарские, польские, наполеоновские или гитлеровские орды». То есть Россия воевала, главным образом, за свое физическое существование и как нации, и просто как суммы «физических лиц»¹⁰. В результате у русских выросла некоторая «гипертрофия государственной дисциплины», а в США «гипертрофированное чувство свободы»¹¹.

Обусловлена перенасыщенная военная сторона российской истории тем, что страна не защищена географически ни от каких нашествий. Другим фактором выступает то обстоятельство, что Россия – «единственное государство мира, отрезанное от морей не только географией и историей, но даже и климатом. Замерзающие реки и моря заставляли русский торговый флот бездействовать в течение трех-шести месяцев в году – и одно это уже ставило наш морской и речной транспорт в чрезвычайно невыгодные условия по сравнению со ВСЕМИ остальными странами мира»¹².

Исходным началом русской государственности было ядро, которое к концу XV столетия имело почти 2-миллионное население и около 50 тысяч квадратных километров территории. «Оно было расположено в самом глухом углу тогдашнего мира, было изолировано от всех куль-

турных центров, но открыто всем нашествиям с севера (шведы), с запада (Польша), с востока и юга (татары и турки). Эти нашествия систематически, в среднем приблизительно раз в 50 лет, сжигали на своем пути все, в том числе и столицу. Оно не имело никаких сырьевых ресурсов, кроме леса и мехов, даже и хлеба своего не хватало. Оно владело истоками рек, которые никуда не вели, не имело доступа ни к одному морю, если не считать Белого, и по всем геополитическим предпосылкам не имело никаких шансов сохранить свое государственное бытие. В течение приблизительно 400 лет это «ядро» расширило свою территорию приблизительно в 400 раз – от 50 тысяч до 20 миллионов квадратных километров»¹³.

И. Л. Солоневич подчеркивает, что на протяжении столетий России приходилось вести «необычайные по своей длительности и напряженности войны и за свое государственное бытие, и за личное бытие его граждан. Наши основные войны – со Швецией, Польшей, татарами и турками – длились веками, это были войны на измор. Или войны на выносливость»¹⁴. Все эти войны закончились победой России, и главную их причину Солоневич видит в том, что «государственная организация Великого княжества Московского, царства Московского и империи Российской всегда превышала организацию всех своих конкурентов, противников и врагов – иначе ни Великое княжество, ни царство, ни империя не смогли бы выдержать этой борьбы не на жизнь, а на смерть. Все наши неудачи и провалы наступали именно тогда, когда нашу организационную систему мы подменяли чьей-либо иной. Неудачи и провалы выправлялись тогда, когда мы снова возвращались к нашей организации»¹⁵.

И. Л. Солоневич критически оценивает российскую литературу XIX – начала XX в., как «кривое изысканное зеркало русской души», даже лучшие представители которой акцентировали внимание на «лишних людях», на проявлениях недостатков российской общественной жизни, но «все они не хотели, не могли, боялись понять и русскую историю, и русский дух»¹⁶.

Он вполне резонно замечает: «...со всех театральные подмостков России скалит свои зубы грибоедовский полковник – “золотой мешок и метит в генералы”. А где же русская армия? Что – Скалозубы ликвидировали Наполеона и завоевали Кавказ? Или чеховские «лишние люди» строили Великий Сибирский путь? Или горьковские босяки – русскую промышленность? Или толстовский Каратаев – крестьянскую кооперацию? Или, наконец, “мягкотелая” и “безвольная” русская интеллигенция – русскую социалистическую революцию?»¹⁷.

Мыслитель констатирует, что русская литература отразила много слабостей России и ни одной из ее сильных сторон. Более того, он утверждает, что и слабости-то были выдуманные. Главным аргументом является сама история: «...когда страш-

ные годы военных и революционных испытаний смыли с поверхности народной жизни накопленный литературный словоблудия, то из-под художественной бутафории Маниловых и Обломовых, Каратаевых и Безуховых, Гамлетов Щигровского уезда и москвичей в гарольдовом плаще, лишних людей и босяков – откуда-то возникли совершенно непредусмотренные литературой люди железной воли. Откуда они взялись? Неужели их раньше и вовсе не было? <...> Мимо настоящей русской жизни русская литература прошла совсем стороной. Ни нашего государственного строительства, ни нашей военной мощи, ни наших организационных талантов, ни наших беспримерных в истории человечества воли, настойчивости и упорства – ничего этого наша литература не заметила вовсе. По всему миру – да и по нашему собственному созданию – тоже получила хождение этакая уродистая карикатура, отражавшая то надвигающуюся дворянскую беспризорность, то чахотку или эпилепсию писателя, то какие-то поднебесные замыслы, с русской жизнью ничего общего не имевшие. И эта карикатура, пройдя по всем иностранным рынкам, создала уродливое представление о России, психологически решившее начало Второй мировой войны, а может быть, и Первой»¹⁸.

По мнению Солоневича, настоящая реальность таинственной русской души – ее доминанта – заключается в государственном инстинкте русского народа или, что почти одно и то же, в его инстинкте общежития¹⁹. Определяющее начало данного инстинкта он видит как раз в том, что «валы, засеки, сторожки, остроги, станицы и пр. и пр. являются одним из самых важных явлений во всей русской истории. Они были вызваны известными историческими условиями, для постройки их нашлись известные психологические данные, и все это вместе взятое обусловило рождение той исторической формы правления, какой нигде больше в мире не было и нет и которая называется “самодержавие”, т. е. совершенно своеобразное сочетание начал авторитета и демократии, принуждения и свободы, централизации и самоуправления»²⁰.

Начиная с Киевской Руси, по утверждению Солоневича, был заложен «эмбрион русской государственности», основанный на принципах, на которых эта государственность «стояла и будет стоять: уживчивость, организованность, упорство, боеспособность и умение подчинять личные интересы интересам целого»²¹. На наш взгляд, именно в этих принципах действительно заключена квинтэссенция понимания неразрывности развития российской государственности и армии и специфики характера русского народа.

Таким образом, ознакомление с главным трудом И. Л. Солоневича позволяет констатировать, что, несмотря на радикализм и однозначность его негативных оценок постпетровского периода истории России, многие его идеи и размышле-

ния о конкретно-исторических обстоятельствах становления российской государственности, о роли армии в этом процессе не утратили своей актуальности и сегодня.

Как представляется, важным является не только обоснование мыслителем необходимости внимательно относиться к своему историческому наследию и опираться, прежде всего, именно на него в проведении назревших политических и социально-экономических преобразований, но и его понимание специфики Российской армии как института, неразрывно связанного с коренными сущностными интересами своего народа. В этой связи при проведении реформы Российской армии целесообразно помнить, что профессионализация Вооруженных сил в нашей стране не может быть успешной на основе превращения их в наемные структуры, слепо выполняющие приказы своего командования. Сила и боевой дух российских солдат всегда подпитывались тем, что они были плотью от плоти своего народа, понимающего постоянную страшную угрозу своему государственному существованию и осознающего необходимость жертвенного отношения к защите своего Отечества.

Поэтому представление о постоянных внешних угрозах для России и необходимости иметь мощную современную армию – это не паранойя и не архаизм, как пытаются представить многие современные либералы, это отражение всей трагической и героической истории российского народа и российской государственности. Забвение этой истины может привести к самым опасным и необратимым последствиям.

Примечания

- ¹ Солоневич И. Л. Народная монархия / отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2010.
- ² Там же. С. 47.
- ³ Там же. С. 47–48.
- ⁴ Там же. С. 49.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Благова Т. И. Родоначалники славянофильства А. С. Хомяков и И. В. Киреевский. М. : Высш. шк., 1995.
- ⁷ См.: Ахиезер А. С. Самобытность России как научная проблема // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 3–25 ; Кара-Мурза А. А., Панарин А. С., Пантин И. К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России : перспективы развития // Полис. 1995. № 4. С. 6–24.
- ⁸ Солоневич И. Л. Указ. соч. С. 93.
- ⁹ Там же. С. 93–94.
- ¹⁰ Там же. С. 94.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 94–95.
- ¹³ Там же. С. 97.
- ¹⁴ Там же. С. 98.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 200.
- ¹⁷ Там же. С. 201.
- ¹⁸ Там же. С. 202.
- ¹⁹ Там же. С. 204.
- ²⁰ Там же. С. 276–277.
- ²¹ Там же. С. 280–281.